

1
Дурабине, 5го ноября, 1938.

Знакомая Елена Ивановна!

Не могу больше бороться с телашем писать Вам. Ваш адрес я и что-то совсем уже забыть с Паски, но не хватает мужества написать, боясь отяжелить Вас. Написано несколько строк и как вилка Загара
● Ваша и потому пишу великодушно простить мою слабость. В душе я часто беседую с Вами и пишу Вам письма, но, перевести это на бумагу и отправить Вам, не хватает силости. Простите меня, дорогая, светлая. Вы, пышнотелая, геновереские сердце, наиме меня. Так реудержанно сердце тянется к Вам и хочется сказать Вам: „люблю Тебя“.

Какой для меня всегда бывает праздник, когда в Риге в Обществе читают Ваши письма и когда по-
● рого очередном номере журнала „Оккупация и Убога“, где первые главы пишу то, что поднимало Ваши письма.

Я уже не молодая - мне 50 лет. С самого детства моя жизнь была тяжелой, т.к. ослепла почти лет от роду. Как то странно чувствовала себя уже ребенком. Не могла разделить стремлений моих сверстниц. У меня был свой мир. Ставши старше,

парализованная мысль и нехватка, появившиеся вопросы, на кото-
 рые нигде не получила ответа. Потом, когда стали
 появляться в продаже сокровищные книги, набросавшаяся
 на них. Руководителя не было, читала все, что попада-
 лось под руку, без разбора, но все было не то, чего-
 то не хватало. И вот, в 1934 году, судьба меня столк-
 нула с человеком, который мне дал книги Грешиня
 Живой Антики. С того времени все дни меня измени-
 лось, жизнь стала такой богатой, такой полнокровной.
 Во время карантина (я учительница, но меня помы-
 зало по случаю ликвидации нашей школы, учила на
 переписку) ездила каждый раз в Ригу и, побывав в
 Обществе, посещала там же собрание. Как все стало
 иначе. Новый мир открылся передо мной. Теперь
 много так много сокровищ: все книги Грешиня, Майскую
 Доктрину, книги Николая Коростаневича, всекакие
 репродукции с его картин и еще некоторые другие
 ценные книги. Счастливая себя такой богатой. Весь
 мой внутренний мир изменился. Раньше я безграмот-
 но тосковала и отчаивалась, потеряв мужа, с ко-
 торым была очень счастлива (его большевики убили),
 а теперь настолько окрепла, что поступаю ему
 только светлые, укрепляющие мысли.

Часто, часто чувствуете в сердце такая радость,
 что даже как будто тепло в груди делается и сердце
 как-то особенно трепещет. Иногда же и начинает

протестности: ведь кругом столько страха, столько несправедливости (междоусобица), и у меня в смысле тоже недаром научно: единственная сива уже третий год болела, не может поправиться после хирургической операции тиреопаратизирина; так что даже материальное положение незавидно, не говоря уже о той боли душевной, которую испытываю из-за моего Сергея. Все это я муштую и выветриваю. И тогда обидается как будто упрек, готовя себя осуждать в разуме, но сердце посылает такие волны радости, которую я не умею описать.

Когда читаю Левина и смотрю на Изображение нашего Вал. Владыки, в сердце как будто соловьи поют. Выветривается такая безразличная преданность и любовь к Лану, что все остальное уходит куда-то, остается только светлая радость, которую словами не передать. Я выветриваю, что Вы, радвая, светлая, понимаете меня и не осуждаете за мое письмо к Вам.

С того времени, как я подошла к Черной, Вы стали для меня путеводной звездой и меня неукротимо влечет к Вам. Как муштую мне все время коммюне ранивать Вам и как трудно было удерживать себя. Боюсь быть дерзкой. Вчера вечером пишу так потыкну к Вам, что я в отчаянии прошу кого-нибудь из друзей или Указаний о том, разрешается ли мне беспокоить Вас. И вот я вижу прямо во сне, что Вы

принимай, видишь меня за фужером и поводи куда-то. Проводив-
шись, я уже не выдержала, встала, взяла карандаш
и начала в кроватке набрасывать письмо. Если я не
права, простите меня. Мне легче, когда я своему скажу
Вам, как я Вас почитаю и люблю. Я Вас видела несколько
раз очень ярко во сне. Какое счастье я после того долго не
пыталась кем-либо раз! Раз я видела удивительный сон:
Вы и Николай Кожемякин пришли ко мне. На. Н. К. была
рубашка, спина которой состояла из отдельных квадратов,
прекрасно вышитых золотом и голубым и соединенных
между собой чем-то светлым, сияющим. Н. К. сказал мне,
что это Ваша работа, Вы это вышивали. Вы удивились
и я проводила. Много я думала, но не могу поверить
в реальность этого сна.

Так отрадно, когда можно поговорить о Вас. Не-
давно я познакомилась с Ев. М. Зимбердорфом и ми-
росто вечером беседуем с ним. Он мне прочитал фужер-
ные своей новой книги. Очень хорошая вещь, только пропу-
стит ли черту? Когда бываю в Туре, мы с Ольгой Ли-
каверовой Краукин гуляем отводим, имея перед собой Ваш
светильник. Облик мой дети - Сергей и Лидочка (его тетка) тоже
в ее группе. Когда сын лег спать, он посещает
групповое чтение. Как отрадно чувствовать себя в стенах
Общества - можно часами простаивать перед Вашими произ-
ведениями Н. К. Как захватывает письмо, хотелось бы Вам
еще так много сказать. Елена Ивановна, дорогая, родная,

и хочется просить Вас, и не хватает смелости: по-
дарить мне Вашу книгу — хотя несколько строчек
ответа, чтобы я знала, что Вы не забудете меня за то,
что сердце не выдержало и я написала Вам.

Преданная Вам всем сердцем

Галиция Викентьевна Осташова.

Latvia, Europe

Daugavpils Kaunas iela № 13, dz. 5.

F. Ostasova.

4

Дорогая Елена Ивановна!

Нет тех слов, которыми сердце хотело бы выразить Вам благодарность за письмо и „Беседа“ из книги Надземное. Чужд письмо в руках и перечитывая его столько раз, все-таки трудно верится, что моя самая заветная мечта сбылась. Родная, любимая Елена Ивановна, благодарю Вас. Благодарю Вас и за незабываемое нами участие - выраженное Вами товарище - ищет наши фронтографки, Премало снимки детей и моего картошку. Так хотелось сейчас же ответить, но не осмеливаюсь, боюсь быть навязчивой. После Нового года, приехав в Тулу, узнала от Рихарда Ивановича, что Вы нездоровы. Стало тяжело на сердце. Поняла, что все, порождаемое нашими геновехскими несовершенствами, так болезненно отражается на Вашем острейшем сердце. Писать и беспокоить Вас в такое время показавшее мне непрожительной дерзостью. Сегодня решаюсь написать, потому что видна Вас в прошлом году во сне: Вы подарили мне отсерены из рубиновых квадратиков и одали его мне на лисю вместе с двумя узкими меловыми воротничком.

Так хочется спросить - как теперь Ваше здоровье?

Бескомпромиссно благодарна Вам за разрешение спросить непозволительное в Учении. Будьте так добры пожелать:

Общана - § 73.

Община - § 86 - последнее предложение: „Починание мате-
ри может быть лишь там, где ижема невозможна“.
Мир Очерный № 5562 - об отправлении судьи оборотной
на людей.

Братство § 78 и 153 - вондотетей ли еще такие „живые
мертвецы“ и возможно ли для них еще продвижение к
Свету, или Москва уже их покарала и они стоят в
кочевые отбросы?

Братство § 148 - легенда о печаль.

Будьте добры, осветите вопросы, касающиеся Карам:
когда во время Уквизуции были естественные мнимые
людей, была ли эта их карма? Если да, то Уквизуция
выполнима только Карам, но ведь у нас Уквизуция вы-
раи оправдать нельзя, ведь это было, несомненно, дело
таинственное?

Можно ли видеть в одинокую меру в ответственности и
невеществе с другими великими тех, которые перешли в ге-
ловееское царство позже, перед самым закрытием пере-
хода? Ведь они не имели столько времени, как перешедшие
раньше их, чтобы совершить потворства. И если они, введ-
ствие своего незнания, погнадут под видные темные,
что их отбывает?

Читая Учение, много переживаю, но не осмысливаю
так много беспокоит Вас. Есть у меня несколько книг
учительниц и других девушек, с которыми вместе читали
и следуют. Часто бывает очень трудно: с каждой можно

говорить только по ее сознанию и утверждать, что не смо-
жем дать так много обещаний, как бы хотелось. Сама по-
нимаю, а нужные слова не всегда находят. Родная Елена
Афанасьевна, наша светлая Душа, пошлите мне в укреплении
Вашу Боголюбивую мысль. Так хочется верить и
помогать. Бывает иногда трудные положения, когда
не хватает сил, чтобы помочь. Так вчера меня призвала
одна женщина, интеллигентная, хорошая музыкантша,
дошедшая до полного отчаяния. Ушла я от нее с тя-
желым сердцем. Она сильно на меня надеялась, думала,
что приеду ей помочь и разрешу ее сомнения.
Сколько сил, старалась ее успокоить и обещать, но
убедила, что все таки ей мало дано. Надо быть дух этого
Боже сильной. Тут иногда и опускаются крылья. Хочу
работать, хочу учиться, хочу науку приобщить. Моя лю-
бимая молитва: "Богородице, помоги не пройти мимо труда
Твоего!" окрыляет, дает бодрость и радость, но все же
убеждаю, что так мало могу еще дать, когда хотелось
бы много, много больше сделать.

Хочу рассказать один случай и спросить Ваше мнение.
Познакомилась я с одной крестьянской девушкой 20 лет,
без образования, очень религиозной (хотя мажоритария по
внешнему катарич. взглядам), тихой и серьезной. Несмотря
на нерасширенное сознание, утверждает духовность.
С ранних лет отказывалась от мяса, очень любила хо-
дить в костел (даже иногда убежала, если мать не ~~мог~~

воинца) и молится. Теперь Янина (так звали девушку) уже целый год, как она сама говорит и соседки, знакомые ее, не едят ничего, кроме пары ложек холодной каши иногда. Приходит только каждый день пригласить. Чувствует себя хорошо, зимой ходит крайне легко одетой, не чувствуя холода. Может без труда три ночи не спать. Как то недавно, тогда человек, находящийся в физическом теле, мог совершенно без пищи обходиться. Чем это объяснить? Девушка, видимо, правду говорит, так как не старается себя рекламировать, а наоборот, стесняется об этом говорить и скрывает от многих.

Простите, что пишу так много, не отговаривая к даю. Сердце так полно благодарностью к Вам за разрешение писать. Ваше письмо, Елена Ивановна, дало мне столько несказанной радости, так открыло сердце. Ваши слова о радости так много мне дали, сердце так отбывает на них. О, если бы я могла в этой или будущей жизни хоть чем-нибудь Вам доставить хоть капельку радости, какое это счастье было бы! Если может маленькая капля потешать вашими океану всего светлого, то позвольте Вам этого потешать. Сердце так влечет к Вам.

С сердечной благодарностью
преданная Вам Евгения Осиповна.

17го февр. 1939г.

Даугавпилс, Kaunas iela 13, dz. 5.